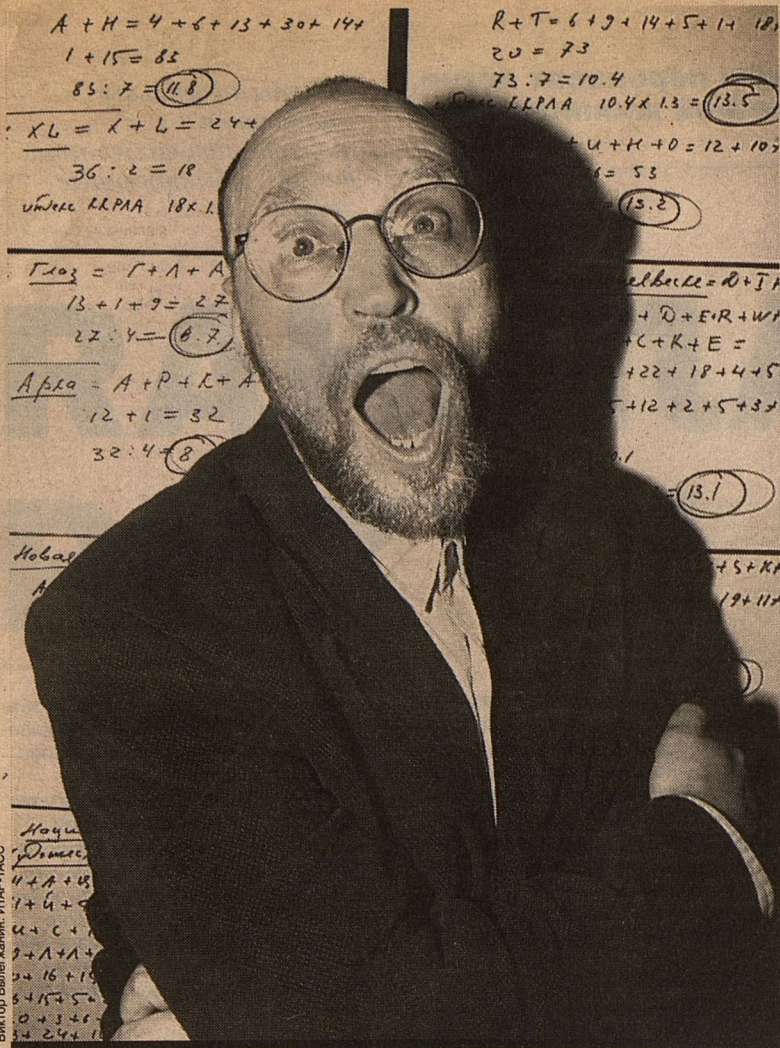

«Современное изобразительное искусство — это не искусство, которое изображает. Это искусство, которое являет художника».

Поэт, художник, акционист

Дмитрий Александрович ПРИГОВ

еще и запел. В клубе «Дом» прошел музыкальный фестиваль произведений Владимира Мартынова, в программе которого его участие было обозначено кратким словом «вокал». О художественном проекте «Дмитрий Александрович Пригов» рассказывает его автор

ТВОРЕЦ ТЕХНОЛОГИЙ

— Вы давно поете?
— Когда понадобилось, тогда и запел. Для меня это не самоценное творчество, а еще одна сторона большого проекта «Жизнь Дмитрия Александровича Пригова».

— Можете описать его хотя бы отчасти?

— Так сложилось по ходу моей жизни, что я занимаюсь несколькими видами искусства. Я пишу стихи. Я пишу романы. Пишу пьесы. Это в литературе. В изобразительном искусстве я занимаюсь графикой, используя то, что основано на памяти об академическом образовании. Рисую каждый день, без всяких отпусков и больничных, с десяти вечера до пяти утра. Создан огромный корпус рисунков, которые я выставляю. Занимаюсь фотографиями. Отдельно я занимаюсь еще тем, что вы называете перформанс. Это происходит и с классическими музыкантами, например, с камерным ансамблем Татьяны Гринденко. Но основные мои партнеры все же музыканты джазовые.

— В рамках традиционного искусства впору было бы говорить о «новом Леонардо». А что значит эта многогранность в искусстве современном?

— Все эти рода деятельности создают вместе комплекс «Дмитрий Александрович Пригов». Современное искусство, как мне представляется, это не работа с какими-то современными техниками, скажем, с медиа. Современное искусство — это художническое поведение. Сам художник важнее всех этих языков, которыми он пользуется.

— Но все-таки хочется, чтобы он хорошо пел, рисовал или писал стихи.

— Это другое. В принципе любой язык скоро становится художественным промыслом, когда уже не важно, расписывать ли матрешки, писать ли, как Малевич. Основное — это тип художнического поведения. Особенно в сфере изобразительного искусства.

— То есть вещь ничто, процесс — все?

— Современное изобразительное искусство — это не искусство, которое изображает. Это искусство, которое являет художника.

— Я понял, вы не вокалист, вы, и издавая звуки, «художник Дмитрий Александрович Пригов»?

— Представьте, что вы собрались посмотреть фильм Тарантино, а к вам приезжает сам Тарантино и начинает что-то рассказывать. Вы ему говорите: «Отойдите в сторону и не мешайте фильму смотреть». Что вы там тут рассказываете! В случае литературы или кино вы смотрите на текст. А приходя на выставку художника, вы должны смотреть на самого художника. Да, висят картины, но, возможно, это не его картины, а подделки. Возможно, это будущая часть перформанса, когда он их сожжет. В данном случае надо смотреть на художника:

как он себя ведет. Чем он назначил быть этим картинам. Они могут быть частью его художественной деятельности. Могут быть частью его мистификационной деятельности. А могут — частью проекта длиной в десять лет.

— Понятно. Все, что вы делаете, — это проект длиной в жизнь. Тем и интересен. Но обычные люди скажут, что вы и певец никакой, и график средний, и поэт дрянной, и хулиган так себе, и так далее...

— В принципе все страны, а Россия особенно, живут сразу в нескольких временах. Огромное количество людей до сих пор живут в пушкинском времени, и, скажем, для них блоковский новации ужасны. Кто-то живет во времена Серебряного века, и для него формалистские ухищрения — крах всего святого. Кто-то живет во времена Малевича, и ему кажется, что манипуляции с текстом — это самое радикальное. Россия — разновременная страна, в которой все будет актуально еще долго. Всегда можно найти пласт людей, для которых ты свой или чужой, интересен или ужасен.

— Что вам представляется наиболее важным в том, что называется contemporary art?

— Вообще contemporary art описывает искусство послевоенное. Но оно так разрослось, столько появилось направлений, что надо вводить новые членения. Главное, что культурный возраст принципиально разошелся с возрастом физиологическим. В старые времена отец, сын и внук жили в пределах одной эстетической концепции, которая к внуку приходила уже в виде некой абсолютной истины. К началу XX века физиологический и культурный возраст совпали. Считалось, что каждое новое поколение вносит свою эстетическую идею. В наше время культурный возраст исчислялся десятилетиями. Сейчас это пять-семь лет. Скоро, очевидно, культурный возраст будет соотноситься со временем избрания нового чипа.

— К чему это приведет?

— Резко меняется набор культурных текстов, который люди воспринимают в детстве и юности. Если раньше сквозь некие истины и стили текли потоки людей, то сейчас, наоборот, сквозь одного человека проносятся огромное количество стилей и направлений. Только ты укрепился в своем стиле, это уже архаика.

— Что же делать?

— В этой ситуации понятие профессионализма дополняется культурной вменяемостью. Если ты пишешь, как Малевич, то ты должен понимать, что ты пишешь, как Малевич. Это не радикальность, но на это есть свои потребители, свои художественные круги, которые это принимают. Другое

дело, что ты можешь делать римейки Малевича. Тогда это другой разряд искусства, у которого есть свои каноны, свои классики, свои галереи.

— То есть ты уже не можешь петь как птичка?

— Нет, это раньше были любительские вкусовые предпочтения. Сейчас надо четко понимать, где ты работаешь. Это предварительная и очень серьезная работа, требующая большого аналитического напряжения и интуиции.

— И все-таки художнику хочется быть на волне именно сегоднешнего дня. Насколько это возможно в такой ситуации?

— Идея нашего времени — идея многокультурности. Сегодня все культуры равноправны. Для того чтобы существовать в таком мире, надо быть мобильным и видеть модуль перехода из одного языка в другой. Раньше каретник был каретником, делал кареты. Пришел Форд и придумал не новую машину «Форд», а конвейер, технологию производства, на которое набираются какие угодно рабочие. Посему основным деятелем этой структуры становится инженер, технолог, программист, менеджер, которые вроде бы ничего не производят, кроме... этих самых технологий.

— Является ли современным художником Зураб Церетели в полноте своего разностороннего художественного «проекта»?

— Современность художника может пониматься широко. Современные — все, что живет сейчас. Современные — те, кто работает новыми типами поведения.

В этом смысле Церетели — художник, работающий с предвоенной стилистикой. Но в качестве коммерческого организатора он вполне мог бы совпасть с проектной деятельностью современных художников... если бы понимал ее как основную свою задачу. Но это для него отдельно — деньги, накопление. В качестве основного он предполагает нарисовать хорошую картину в стиле постимпрессионизма или слепить хорошую скульптуру.

— То есть его слабость в неверных акцентах своей позиции?

— Почему слабость? Это не слабость и не сила. Это раньше был один стиль, один замечательный художник. Сейчас скорее принцип номинаций. Как в музыке. Лучший певец в стиле рэп, лучший рок-певец. Паваротти не соревнуется с Майклом Джексонем. Важно быть первым в своей номинации. Другое дело, если ты исполняешь рэп, а при этом думаешь, что лучше всех на всем музыкальном пространстве. При этом в разных номинациях разные деньги. Вряд ли у певца в стиле кантри или

Дмитрий Александрович Пригов просвещает саксофониста Сергея Летова

у Баренбойма, берущего первые премии в рейтинге классической музыки, те же деньги, что у Майкла Джексона. Деньгами в номинационной системе не все описывается. Поэтому проблема не в том, что делает Церетели, а как он себя осознает. И важна культурная вменяемость окружения: как оно его понимает и где экспонирует.

— Вас экспонируют и награждают в разных частях света. Наличие у вас премий повышает статус проекта «Дмитрий Александрович Пригов»?

— Не могу сказать, что у меня чудовищное их количество. По изобразительному искусству две — немецкой академии и первая премия на «бумажном биеннале» в Германии. И две литературные — Пушкинская и Пастернака. Давно замечено, что в пределах России никакие премии на статус не влияют. Это не повышает твою популярность, ни печатаемость. В то же время в западном мире премия или грант входят, конечно, в твою биографию и способствуют тому, что чуть больше людей тебя знает.

— По какую сторону границы проект «Дмитрий Александрович Пригов» более известен?

— В полноте он более известен здесь, поскольку на Западе вся литературная и поэтическая деятельность не имеет приложения. Там давно уже нет у поэзии высокого статуса. А в качестве художника я как раз более известен на Западе. Там я для них существую как художник, который работает в разных медиа: рисунок, инсталляция, фото, видео, объекты, перформансы.

— То есть вы входите в некий утвержденный список современных художников?

— Это деятельность, предполагающая постепенное вращение в мир.

Годам к пятидесяти, условно говоря, примерно кодируется уровень, на котором ты обслуживаешься.

— А в художественную тусовку там входите?

— Для этого надо там жить. Тусовка — это постоянная жизнь вместе. А я приезжаю на месяц в лучшем случае.

— А семья и быт в условиях проекта?

— Конечно, они существуют. Но это не то старое время, когда ты сидишь дома и обсуждаешь постоянные домашние мелочи: там картошку купил за 20 копеек, а здесь она продается за 15, хотя вчера было наоборот. Это другой способ жизни, но в принципе семейные отношения не меняются. Меняется скорее состав семьи. Появился внук. Сын раньше был сын, а теперь он уже старший меня.

— То есть?

— Я ведь вышел из советского времени, и в социальных отношениях — подросток. Тем более по отношению к современной технике, к компьютерам. Должен униженно спрашивать: «А куда исчез текст?» Он с усталостью и с раздражением повторяет сорок раз, что мне надо делать. Раньше я ему говорил: «Почему ты это не можешь? Сам подумай». Теперь он мне говорит: «Сам подумай». Меня уже даже внук четырехлетний учит: «Так по-русски не говорят». Я спрашиваю: «А как говорят?» — «Сам знаешь».

— Вы ведете дневник, записи встреч, разговоров?

— Я отмечаю только переезды. Выступал там с тем-то. Все, что связано с профессиональной деятельностью, — для книги, биографии, информации. Остальное в голове уже не держится.

Беседовал Игорь ШЕВЕЛЕВ